

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-11>

ФОРМИРОВАНИЕ ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ СИБИРИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 81'26, 81'272

Алина Я. Хусаинова

Институт языка,
литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова
Академии наук
Республики Татарстан,

Казань,
Российская Федерация

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке за счёт гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного Академией наук Республики Татарстан научным и научно-педагогическим работникам обособленных структурных подразделений Академии наук Республики Татарстан с целью стимулирования их к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ.

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ диалектной вариативности татарских переселенческих говоров на территориях позднего заселения Сибири – в Новосибирской, Кемеровской, Томской областях и Республике Бурятия. Материалом исследования послужили полевые записи автора, сделанные в 2023 г. в Кемеровской области, в 2024 г. в Республике Бурятия, а также материалы экспедиций предыдущих лет в Новосибирскую и Томскую области.

Выявлены общие типологические черты, характерные для вторичных говоров: сохранение архаичных элементов исходных диалектов, смешение черт среднего и западного диалектов татарского языка, а также активное взаимодействие с русским языком. В то же время установлены существенные различия между двумя ареалами, обусловленные характером иноязычного окружения и наличием или отсутствием контактов с коренным тюркским населением. В Западной Сибири переселенческие говоры развивались в условиях взаимодействия с сибирско-татарскими диалектами, что привело к формированию гибридных систем. В Бурятии, напротив, сформировались анклавные говоры консервативного типа, сохранившие целостный комплекс поволжских диалектных черт. Особое внимание уделяется социолингвистическим факторам – языковым установкам, межпоколенческой передаче, а также роли образования и религии в сохранении диалекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: татарская диалектология, говоры позднего формирования, тюркские языки Сибири, языковые диаспоры, языковые контакты, социолингвистика

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Алина Я. Хусаинова, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-11>

FORMATION OF TATAR MIGRANT DIALECTS OF SIBERIA: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

UDC 81'26, 81'272

Alina Y. Khusainova

G. Ibragimov Institute of
Language, Literature and
Art of the Tatarstan
Academy of Sciences,

Kazan, Russian Federation

Acknowledgments

The reported study was funded out with financial support from a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to researchers and scientific and pedagogical staff of separate structural divisions of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in order to encourage them to defend doctoral theses and carry out research.

Abstract

The article presents a comparative analysis of dialectal variation in Tatar migrant dialects spoken in areas of relatively late settlement in Siberia, namely the Novosibirsk, Kemerovo, and Tomsk regions and the Republic of Buryatia. The study is based on the author's field recordings made in the Kemerovo Region in 2023 and in the Republic of Buryatia in 2024, as well as on data collected during earlier expeditions to the Novosibirsk and Tomsk regions.

The analysis reveals a number of common typological features characteristic of secondary dialects, including the preservation of archaic elements inherited from the source dialects, the mixing of features of the Middle and Western dialects of Tatar, and intensive contact with Russian. At the same time, significant differences between the two areas are identified, resulting from the nature of the surrounding linguistic environment and the presence or absence of contact with indigenous Turkic populations. In Western Siberia, the migrant dialects developed through interaction with Siberian Tatar dialects, which led to the emergence of hybrid systems. In Buryatia, by contrast, conservative enclave dialects developed, preserving an integrated set of Volga-region dialectal features. Particular attention is paid to sociolinguistic factors, including language attitudes, intergenerational transmission, and the role of education and religion in dialect maintenance.

KEYWORDS: Tatar dialectology, dialects of late formation, Turkic languages of Siberia, linguistic diasporas, linguistic contacts, sociolinguistics

1 | Введение

Изучение говоров татарского языка — одна из актуальных задач современной диалектологии. Это особенно важно, когда речь идёт о переселенческих говорах. На данный момент накоплен значительный материал исследований по говорам, распространённым на разных территориях, а также посвящённый результатам межъязыковых контактов отдельных говоров, но очень мало исследований об изменении говоров под влиянием окружения и сравнительном анализе с материнскими говорами. Значимость этих исследований велика, поскольку некоторым переселенческим говорам угрожает полная нивелировка.

Татарские народные говоры распространены на очень больших территориях (татары расселены примерно в 20 регионах России, а также в странах СНГ и дальнего зарубежья, при этом лишь около 25% всех татар проживает на территории Республики Татарстан). Татары переселялись на эти земли в разное время и разными путями (основные волны миграции охватывают период с XIV по начало XX в., включая добровольное освоение земель, служилое переселение на засечные линии, бегство от насильственной христианизации, столыпинские реформы и др. [Татар лексикологиясе, 2016: 139]; это были выходцы из разных мест и из различных субэтнотетов: казанские татары, мишари, крещённые татары — и условия на новых территориях также были неодинаковыми (относительная изоляция в иноязычном окружении, тесное соседство с другими тюркскими или финно-угорскими народами, влияние городского просторечия и литературного языка). Всё это привело к многообразию в развитии говоров, сформировавшихся на новых территориях. В то же время в возникновении и развитии говоров наблюдаются единые закономерности.

Во-первых, это говоры вторичного образования, более поздние по происхождению по сравнению с говорами исконных (первичных) территорий формирования татарского языка, то есть переселенческие говоры, которые разворачиваются на базе уже сложившихся диалектных типов. Во-вторых, исходная основа говоров, сформировавшихся на новом месте, существенно отличается от основы первичных говоров. Это либо разнодиалектная основа, либо монодиалектная основа, но изолированная от родственных диалектных систем и находящаяся в окружении других говоров (иных татарских говоров или иноязычного окружения). В-третьих, развитие диалектов, сформировавшихся позднее завершения процессов формирования языка татарской народности, а в ряде случаев и национального татарского языка, происходит в условиях интенсивных междиалектных, а часто и межъязыковых контактов. В-четвертых, вторичные говоры формируются в сравнительно поздний исторический период (по отношению к этапам развития общенародного татарского языка —

донациональному или национальному), следовательно, влияние литературного татарского языка на них оказывается более значительным [Баранникова, 1975: 22].

На сегодняшний день не существует ни обоснованной классификации татарских говоров на территориях позднего заселения, ни их полного научного описания, основанного на единых принципах.

Сибирь представляет собой уникальный ареал для изучения татарских говоров позднего формирования. Татарское население региона делится на две различные по времени проживания группы: аборигенное население (сибирские татары: тоболо-иртышские, томские, барабинские), которое проживает на данной территории с домонгольского периода, а его этническое ядро складывается к XV–XVI, и потомки переселенцев из Поволжья и Приуралья, миграция которых началась после падения Казанского ханства (1552 г.) и усилилась в XVIII – начале XX вв. [История и культура татар, 2015: 343].

Цель данной работы – сопоставить диалектные системы двух удалённых ареалов позднего заселения татар: Западная Сибирь (Томская, Новосибирская области) и Восточная Сибирь (Бурятия) – и выявить факторы, влияющие на сохранение/нивелировку диалектных черт в иноэтничном и иноязычном окружении.

Источниковая база данного исследования формировалась в несколько этапов. Основу составили материалы, собранные автором в ходе экспедиций 2023–2024 гг. В 2023 году были проведены полевые исследования в четырёх районах Кемеровской области (Юргинский, Яшкинский, Ижморский, Тисульский), где опрошено 29 информантов. Большинство респондентов относятся к старшей и средней возрастным группам (преимущественно в возрасте от 55 до 82 лет, лишь 2 человека моложе 35 лет). Это объясняется прямой зависимостью степени владения родным языком от возраста носителя: информанты младшего поколения демонстрируют значительно более низкий уровень владения языком и, как следствие, оказались менее вовлечены в опрос. В 2024 году экспедиция охватила ряд районов Республики Бурятия (Заиграевский, Селенгинский, Хоринский, Джидинский, Мухоршибирский, Кяхтинский, Баргузинский), а также город Улан-Удэ, где было записано 20 интервью (средний возраст информантов – 62 года, возрастной диапазон – от 51 года до 85 лет). Опрошены потомки переселенцев первого и второго поколений (информанты 1930–1960-х годов рождения), а также представители третьего поколения. Зафиксированные данные позволяют дифференцировать респондентов в соответствии с хронологией миграционных волн: 1) переселения первой половины XX века (1930–1940-е годы), связанные с раскулачиванием; 2) послевоенный период (1950-е годы), в частности, переселение кряшен из

Мамадышского района; 3) миграция 1970–1980-х годов, обусловленная строительством Байкало-Амурской магистрали. Помимо интервью со старожилами использовались методы аудио- и видеофиксация речи, фотофиксация предметов материальной культуры, анализ рукописных и архивных источников, а также изучение топонимики региона.

Для сравнительного анализа и выявления языковых изменений были привлечены материалы предшествующих экспедиций, организованных ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (включая данные, полученные от потомков разных волн миграций) в Новосибирскую область, где опрошено 10 информантов (средний возраст – 72 года, все респонденты старше 65 лет), а также в Томскую область, предоставившие данные 11 информантов (средний возраст – 68 лет, младший из опрошенных – 55 лет) [Татары Новосибирской области, 2021; Татары Томской области, 2021].

Комплексный анализ проведён с привлечением лексикографических источников, в первую очередь, «Большого диалектологического словаря татарского языка» [Татар теленеч зур диалектологик сүзлеге, 2009], «Атласа татарских народных говоров» [Атлас татарских народных говоров, 1989], а также материалов из сборников под общим названием «Национально-культурное наследие» (серия «Из сокровищницы научных экспедиций»). На сегодняшний день опубликовано 4 книги серии, относящихся к Западной Сибири [Татары Новосибирской области, 2021; Татары Томской области, 2021; Татары Омской области, 2021, Татары Тюменской области, 2023]. Такой подход позволил не только зафиксировать текущее состояние говоров, но и проследить внутреннюю дифференциацию между сёлами: выявить различия в интенсивности взаимодействия с аборигенными сибирско-татарскими говорами, степень сохранности архаичных черт в автохтонных говорах разных сёл, а также особенности языкового поведения потомков разных миграционных волн. Унификация представления материала достигнута за счёт использования транскрипции МФА (международного фонетического алфавита). Примеры, полученные из источников, отмечены ссылками, примеры из полевых материалов автора не имеют ссылок.

2 | Формирование и языковые особенности татарских говоров исследуемых ареалов

2.1 История формирования ареалов

Татарские говоры рассматриваемых регионов относятся к говорам позднего формирования. Данное понятие характеризует переселенческие говоры, складывавшиеся на территориях нового заселения в результате миграций, а не в ходе автохтонного развития. Формирование татарских говоров в обоих ареалах происходило под определяющим

воздействием переселенческого компонента, при этом среди переселенцев были носители как среднего диалекта, в основном выходцы из Казанской, Уфимской, Самарской губерний, так и представители западного (мишарского), переселявшиеся преимущественно из Нижегородской, Пензенской и Симбирской губерний. Миграционные процессы имели сложную, многослойную структуру и осуществлялись в несколько исторических волн.

Начальный этап составило добровольное переселение, активизировавшееся во второй половине XVI века после падения Казанского ханства и продолжавшееся в XVII–XVIII веках. Новый мощный импульс пришёлся на конец XIX – начало XX века и был связан со строительством Транссибирской железной дороги и общим переселенческим движением. Следующая волна носила принудительный характер: это были массовые репрессии и раскулачивание 1930–1950-х годов, когда в Сибирь направляли спецпереселенцев, в том числе татарских крестьян. В поздний период (1970–1980-е годы) миграция дополнилась добровольной индустриальной составляющей, связанной со всесоюзными стройками (БАМ) и развитием промышленности в сибирских городах [Хисамов, 2021: 42–43; Волков, 2021: 67–73; полевые материалы, 2015–2021].

Таким образом, при общности миграционных истоков (преимущественно Волго-Уральский регион) между ареалами наблюдаются различия по времени и характеру переселения: в западносибирские сёла мигранты прибывали почти непрерывными волнами вплоть до конца XX века, тогда как переселение в Бурятию было привязано к конкретным историческим периодам (в XVII–XVIII веках – служилые и ясачные татары, в 1930–1950-е годы – спецпереселенцы). Тем не менее, сопоставимый состав переселенцев и частично сходная хронология создают основу для корректного сопоставительного изучения говоров.

Кардинальные различия в моделях расселения предопределили неодинаковые пути формирования диалектных систем. В Западной Сибири миграция носила интегрирующий характер: переселенцы селились в уже существующих деревнях коренных сибирских татар (томских, барабинцев, тоболо-иртышских, калмаков), вступая с ними в интенсивные контакты. В результате длительного взаимодействия сформировались гибридные говоры, в которых черты поволжских диалектов наложились на местную кыпчакскую основу. Западносибирский ареал демонстрирует модель интеграции и синтеза с варьированием диалектных признаков даже в пределах одного населённого пункта.

Иная картина сложилась в Бурятии. Переселенцы оказались в изоляции от основного массива сибирско-татарского населения и селились компактными группами, нередко основывая новые деревни «на пустом месте» (Татарский Ключ, Старый Онохой, Ангир и др.)

[Хисамов, 2025: 55–56] в окружении бурят и русских. Контакты с коренными тюрками практически отсутствовали, что исключило гибридизацию. Изолированное проживание в иноэтничной среде способствовало консервации исходных диалектных черт: аффрикатизация **j-* > *ʒ-/ʒ̣-*, делабиализация гласных, архаичные грамматические формы, большой пласт специфической лексики. Таким образом, в Бурятии представлена модель консервации и архаизации, при которой говоры сохранили состояние, близкое к исходному на момент переселения.

2.2 Фонетическая вариативность

Значительные различия между двумя ареалами обнаруживаются в рефлексации пратюркского начального */j/*, что является одним из наиболее ярких признаков, маркирующих как диалектную принадлежность носителей, так и характер междиалектного взаимодействия. В западносибирском регионе сосуществуют две разнонаправленные тенденции. По данным опросов, у потомков казанских татар, сохраняющих черты среднего диалекта, последовательно фиксируется переход */j-/*(й) > */ʒ-/*(ж): *zoqlasun* (тат. литер. *joklasun*) ‘пусть спит’, *ʒuraq* (тат. литер. *juraq*) ‘далеко’, *ʒawurqa* (тат. литер. *jawurqa*) ‘жечь’, и т.п. Однако у коренных сибирских татар исконный */j-/* устойчиво сохраняется: *jaŋur* ‘дождь’, *joklau* ‘спать’, *juraq* ‘далеко’. У переселенцев, носителей западного говора, также отмечается частое употребление характерного */j-/* (например, из 93 словоупотреблений в анлауте лексем на */ʒ/* зафиксировано 21, на */j/* – 65). В условиях совместного проживания и постоянных языковых контактов возникает ситуация диалектной вариативности, при которой */j-/* и */ʒ-/* варианты сосуществуют даже в пределах одного населённого пункта, в речи одного носителя, например: *jelhu zaqqa baralar tætvælæɛ belæn* – *елы җакка баралар тәтәүләре белән* – ‘в тёплые края ездят вместе с сёстарми’ (д. Нижегородка Ижморского района Кемеровской области). Ещё более отчётливо данное противостояние проявляется в реализации аффрикатизированного варианта */ʒ̣/* (*дж̣*), который фиксируется у мишарских переселенцев из Нижегородской и Пензенской губерний (*ʒuʒabuuz* ‘собираем’, *ʒil* ‘ветер’, *ʒide* ‘семь’), всего встречается в 7 лексемах, однако случаи данного явления крайне редки, оно не проявляется ни у сибирских татар, ни у потомков казанских переселенцев. Отличие ситуации с */ʒ̣/* от ситуации с */ʒ/* заключается в том, что */ʒ/* (ж) всё же частично проникает в речь носителей и восточного диалекта и татар-переселенцев – носителей западного диалекта (как показано выше, возможна вариативность */j/* ~ */ʒ/* у одного носителя), тогда как */ʒ̣/* остаётся чуждым даже для потомков казанских татар, не говоря о сибирских аборигенах. В Западной Сибири именно наличие аборигенного тюркского

населения, сохраняющего архаичную /j/ норму, выступает мощным сдерживающим фактором, тормозящим полную и бескомпромиссную победу /з/ и тем более /ж/.

Принципиально иная ситуация сложилась в Бурятии. В условиях полного отсутствия сибирско-татарского влияния и, соответственно, конкурирующей /j/ нормы, переход /j/ > /з/ здесь сохранился. Данное явление носит в бурятских говорах преобладающий характер (например, из 81 словоупотреблений в анлауте лексем на /з/ зафиксировано 61, на /j/ – 14). Также в наименьшем количестве (5 лексем) /з/ последовательно реализуется как аффриката /ж/: *židæv* (татарский литературный язык *zidæv*) – ‘семеро’, *žomurka* (татарский литературный язык *jomurka*) – ‘яйцо’ и др. Зафиксированы случаи варьирования в речи одного носителя: *žort žireæ totalar ide inte* – *жорт джирендә тоталар иде инде* – держали в усадьбе обычно (с. Харошибирь Мухоршибирский район); *juq quznı kyreş žuvıjıu* – юк, кызны күреш жуғыйы – нет, не видели девушку (до свадьбы) (д. Селендума Селенгинский район). Аффрикатизация в бурятском ареале не является спорадической или факультативной чертой, она представляет собой устойчивую системную норму, позволяющую выявлять основу западного диалекта татарского языка для данных говоров. Таким образом, если в Западной Сибири /з/ и /ж/ сосуществуют с /j/ в качестве равноправных или стилистически маркированных вариантов, то в Бурятии /j/ употребляется реже аффрикатизированной формы /з/.

Схожая картина наблюдается с интердентальными d^{δ} на месте литературного z (так называемое «сакау» произношение, характерное для среднего диалекта): в Бурятии эта черта фиксируется как спорадическая, но всё ещё живая (*bed^δ* (татарский литературный язык *bez*) – ‘мы’, *ad^δer* (татарский литературный язык *æzer*) – ‘готовый’, *kyræsed^δ* (татарский литературный язык *kyræsez*) – ‘видите’), а в Западной Сибири в собранных нами материалах данное явление не зафиксировано. Наличие интердентального согласного в татарских говорах Бурятии указывает на сохранение архаичной черты, которая могла поддерживаться местной диалектной средой без влияния сибирско-татарского компонента. В Западной Сибири, где диалект сибирских татар и мишарский компонент оказывали воздействие на местные говоры, данная черта полностью отсутствует.

В отношении лабиализации и делабиализации гласных оба региона демонстрируют принципиальное сходство при различии в степени интенсивности процесса. Переход $o/\ø > u/\epsilon$ (*quılaq* (татарский литературный язык *qolaq*) – ‘ухо’ *quş* (татарский литературный язык *qoş*) – ‘птица’, *buırın* (татарский литературный язык *boron*) – ‘нос’, *jumıuşka* (татарский литературный язык *jomıuşka*) – ‘щепка’ и др.) является ярким признаком западного диалекта и

фиксируется в обоих ареалах. Однако в Бурятии данное явление носит последовательный характер. В Западной Сибири, напротив, делабиализация представлена спорадически, с высокой степенью вариативности даже в речи одного информанта *jumʃaq sölge belæn genæ sɛrtæbɛ* – *йумшаак сөлге белән генә сөртәбез* (тат.литер. йомишак сөлге белән генә сөртәбез) – вытираем только мягким полотенцем (д. Серебряково Тисульский район Кемеровская область). Эта непоследовательность объясняется интерференцией со стороны говоров сибирских татар и поволжских татар, для которых характерно сохранение губной артикуляции *o/ø* и даже её чрезмерное развитие. Так в западносибирских татарских переселенческих говорах проявляется пёстрая, неустойчивая картина, где лабиализованные и делабиализованные формы могут свободно чередоваться в пределах одного высказывания.

Сходная закономерность прослеживается и в судьбе дифтонгов. Переход *əj > i(j)/ej* (*sijæk// sɛjæk* (татарский литературный язык *səjæk*) – ‘кость’, *kijæntæ // kejæntæ* (татарский литературный язык *kəjæntæ*) – ‘кормысло’, *timæ// tijmæ* (татарский литературный язык *təjmæ*) – ‘пуговица’) отмечен в обоих регионах как характерная черта поволжских переселенческих говоров. Однако в Бурятии этот процесс получил своё логическое завершение в последовательной монофтонгизации более широкого круга дифтонгических сочетаний: *kibat* (татарский литературный язык *kuijbat*) – ‘дорогой’, *yrætte/yræte* (татарский литературный язык *əjrætte*) – ‘научил’, и др. Западносибирские же говоры, находясь под постоянным влиянием сибирско-татарской фонетики с её богатой и устойчивой системой дифтонгов, демонстрируют конкурентное сосуществование монофтонгизированных поволжских форм с традиционными сибирскими дифтонгическими вариантами *kilgæε karʲilar: kɫɛ bar, kuurujlarunda urman* – Килгэч кар’илар: күле бар, кырыларында урман – Пришли и смотрят: озеро есть на берегу леса (д. Кирек) [Булатова, 2021: 284].

Что касается фонетических черт западного диалекта, то они в том или ином объёме присутствуют в обоих рассматриваемых ареалах, однако степень их сохранности и регулярности использования существенно различаются. Один из самых ярких признаков западного диалекта татарского языка – цоканье/чоканье, т.е. произношение спиранта *ε* как шумной глухой однофокусной аффрикаты *ts̥* или шумной глухой однофокусной аффрикаты *t̪s̥* – фиксируется в Бурятии у выходцев из Пензенской и Нижегородской губерний (*t̪ɛamasu* (татарский литературный язык *ɛamasu*) – ‘приблизительно’, *t̪ɛalɫu* (татарский литературный язык *ɛalɫu*) – ‘коса’, *suɟert̪ɛuq* (татарский литературный язык *suɟert̪ɛuq*) – ‘скворец’). В Западной Сибири, в частности в деревне Березовая речка Томской области, основанной

сергачскими мишарями, данная черта также отчётливо проявляется в речи старшего поколения, однако находится на грани исчезновения и может быть квалифицирована как реликтовая. Велярное произношение заднеязычных *k*, *g* в соседстве с гласными заднего ряда, свойственное западному диалекту в целом, напротив, довольно устойчиво удерживается в обоих регионах (*tugan* (татарский литературный язык *tıvan*) – ‘родной’, *kajtıur* (татарский литературный язык *qajtıur*) – ‘возвратившись’, *kunakka* (татарский литературный язык *qunaqqa*) – ‘в гости’).

Таким образом, можно заключить, что западный диалектный компонент в Бурятии сохранился в более полном объёме. Согласно архивным данным и материалам экспедиции 2024 года, переселение носителей западных говоров в Бурятию из Пензенской, Нижегородской, Симбирской губерний было достаточно интенсивным, особенно в 1930–1950-е годы в рамках государственной переселенческой политики; при этом потомки носителей западного и среднего говоров жили в одних сёлах (например, Харашибирь, Старый Онохой, Селендума), что способствовало частичной нивелировке, но не полной утрате западных черт. В Западной Сибири западный татарский диалект подвергся интенсивному изменению под влиянием как казанско-татарского, так и сибирско-татарского окружения.

2.3 Лексические особенности

В области лексики исследуемые говоры в основном сохраняют пласт лексем, совпадающих с татарским литературным языком. Вместе с тем наблюдается и некоторая специфика использования лексем как материнских, так и исходных говоров. Говоры татар Бурятии и Западной Сибири объединяет ряд лексико-тематических групп, показывающих параллели, в основном в номинации предметов быта.

В сфере наименований жилища сопоставим лексемы со значением ‘дом’. В бурятских говорах фиксируются лексемы *zba*, *ij*, (татарский литературный язык *øj*). В западносибирских говорах также представлены *zba*, *izbuş*, *ij*, *jort*, *øj*. Таким образом, противопоставление по линии «бурятские и западносибирские» в данном случае не является строгим: лексема ‘дом’ имеет много общих вариантов на всей исследуемой территории. Общими являются *zba*, *ij* (с вариантом *øj* в Западной Сибири), тогда как различия касаются лексем *jort* и *izbuş*. Наличие варианта *izbuş* наряду с *zba*, является результатом влияния говоров сибирских татар, в которых бытуют варианты *isprıskæ* [рус. изба], *jespeşka* ‘домик, изба’ [ТТЗДС: 276]. Также отметим, что в бурятском варианте зафиксированы лишь те лексемы, которые характерны для западного диалекта.

В обоих ареалах наблюдается активное использование русских заимствований, адаптированных к фонетической системе непосредственно самих говоров, разница между говорами проявляется в степени фонетического освоения и в наборе заимствованных лексем: в Бурятии это *laen* (татарский литературный язык *ziten*) – ‘лён’, где гласная *jo* (ё), произносится как звук *æ*; *uſtantſa* (татарский литературный язык *ſtantſija*) – ‘станция’, здесь наблюдается вставка гласных (эпентеза) для устранения стечения согласных, нехарактерного для тюркской фонетики и др.; в Западной Сибири – *siparat* (татарский литературный язык *separat*) – ‘сепаратор’, в данном случае действует принцип морфологической редукции: отсекаются русские флексии, воспринимаемые как избыточные, и принимается форма, близкая к тюркской основе; *kaluſ* (татарский литературный язык *galoſ*) – ‘галоши’, здесь есть оглушение начального *g*, отражающее влияние восточного диалекта [Тумашева, 1977: 23]. Данные заимствования относятся к сфере быта, сельского хозяйства и социальной организации, что отражает реалии жизни переселенцев.

В области терминологии родства общим для всех говоров является целый ряд терминов, например, терминов кровного родства. Сопоставление данных из Бурятии и Западной Сибири показывает, что основная часть терминов в татарских говорах Бурятии и западносибирских переселенческих говорах совпадает с татарским литературным языком, что свидетельствует об общем генетическом фундаменте и сохранении ядерной лексики: ‘бабушка’: *abi* (*æbi*, *æbi*) / *næna* (татарские говоры Бурятии) – *abi* (*abʲi*, *æbi*) / *kartinæy* (татарские говоры Западной Сибири); ‘дедушка’ *babaj*; ‘мама’: *ana/anʲa/ana/ænnæ/æni* – *inæy/ænnæy/æniʲkæy/inæj/æni/inʲ*; ‘папа’: *ættæ/ætiʲjɛm/ætæj* – *ætæy/ætiʲkæy*; ‘брат’: *abuʲj* – *ækæy/abʲi*; ‘сестра’: *tættæ* – *tættæy/tættæ/tættæj* и др. Однако наряду с этим фиксируются и лексические различия, которые имеют диалектную природу. Термин *ækæy* в ареале Западной Сибири, вероятно, является результатом влияния сибирско-татарских диалектов, в которых он повсеместно распространён. В свою очередь, лексема *kartinæy* в западносибирских говорах сохранилась как вариант термина *kartinæj*, распространённого в стерлитамакском, байкибашевском и шарлыкском говорах западного диалекта татарского языка. Что касается бурятского ареала, то термин *næna* сохраняет здесь своё значение ‘бабушка’, как в исходных бирском говоре среднего диалекта и стерлитамакском, байкибашевском говорах западного диалекта. Иными словами, различия между говорами обусловлены не столько противопоставлением ареалов, сколько разной степенью сохранности исходных диалектных черт и неодинаковым характером контактов с окружающими идиомами — сибирско-татарскими диалектами на западе и изолированным развитием в восточном ареале.

В лексике, относящейся к категории культурных реалий, также прослеживаются как параллели, так и различия между говорами. Рассмотрим это на примере мучных изделий. В татарских говорах Бурятии и западносибирских переселенческих говорах фиксируется ряд общих лексем. Так, в обоих ареалах представлена лексема *kuɟmak* в значении ‘блины на масле’. Фонетический вариант *kimak* в бурятских говорах имеет два значения — ‘блины на масле’ и ‘лепёшки с маслом’. Общим корнем обладают также *quɟstɟbaj* / *uɟstabaj* (Бурятия) и *quɟstɟbɟʃ* / *quɟstɟbi* (Западная Сибирь), что подтверждает распространённость этого блюда на всей исследуемой территории. Кроме того, в западносибирских говорах, как и в говорах Нагорной стороны и Заказанья, повсеместно используется слово *кутæс*, обозначающее, как и в татарском литературном языке, «белый хлеб, испечённый из пшеничной муки высшего сорта». Это слово восходит к *кут* «зарыть» + *æс* «еда»; номинация происходит от способа приготовления: хлеб печётся, зарываясь в уголь. В бурятских говорах также фиксируется лексема *кутæс*, однако уже с изменённой семантикой. Лексические различия касаются прежде всего единиц, характерных только для западносибирских говоров: здесь встречаются *kalaf* ‘белый хлеб’, *zæjma* / *bæter* ‘лепёшки’, отсутствующие в бурятском ареале. В свою очередь, в говорах Бурятии фиксируются лексемы, не отмеченные в западносибирских переселенческих говорах: *bykkaen* / *bytkæn* ‘пирог’. Семантические различия наиболее показательны на примере двух лексем. Во-первых, *кутæс* в бурятских говорах означает ‘пресные лепёшки’, тогда как в западносибирском ареале *кутæс* сохраняет литературное значение ‘белый хлеб высшего сорта’. Во-вторых, в говорах Бурятии дополнительно зафиксирована лексема *kimak* с другим значением ‘лепёшки с маслом’. Таким образом, параллели свидетельствуют об общем наследии, а различия (как лексические, так и семантические) — о последующей дивергенции говоров.

Обращает на себя внимание лексема *paŋgu* (татарский литературный язык *gombæ* — ‘гриб’ зафиксированная в западном диалекте (темниковский, дрожжановский, сергачский говоры). Данное слово представляет особый интерес как возможное заимствование из мордовских языков < мордов., мар. *пáŋга*, *пáŋго*, *понго* ~ манс., хант. *paŋx*, *piŋko* «гриб, мухомор» > рус. *Панга* [Ахметьянов, 2015 :101]. В западносибирских переселенческих говорах зафиксирована аналогичная лексема *paŋga*, что свидетельствует о контактах татар-переселенцев с финно-угорским населением в регионах выхода. На территории Бурятии нами была зафиксирована лексема *mælaes* (татарский литературный язык *milæŋ* — ‘рябина’) финно-угорское заимствование от фин. *pihlaji* < **piɟlaja* *рябина* [Насипов, 2009: 59]. Данная лексема распространена во всех говорах западного диалекта.

В переселенческих говорах татар, проживающих как в Западной Сибири, так и в Бурятии, фиксируется устойчивая языковая оппозиция «*Рәсәй – Сибир*», отражающая особенности исторического самосознания мигрантов и их потомков. Данное противопоставление представляет собой лингвогеографическую и культурно-историческую маркированность территорий в восприятии носителей диалектов.

Как показывают полевые наблюдения, под топонимом *Pæsaɛj* (Россия) в этих говорах понимается не вся Российская Федерация в современном административно-политическом смысле, а исключительно европейская часть страны – территории, откуда осуществлялось переселение. В частности, в записях зафиксировано показательное свидетельство: «*nizɛgorodskij tɔbækne ræsaɛj dilær*» ‘Нижегородскую область называют Россией’ [Булатова, 2021: 285]. Это указывает на то, что конкретный регион, откуда переселились носители (в данном случае – Нижегородская губерния), выступает в языковом сознании представителем всей «большой земли».

Данная оппозиция восходит к исторической специфике заселения Сибири: для переселенцев XIX – начала XX века, прибывавших из центральных губерний (Казанской, Уфимской, Нижегородской и др.), Сибирь долгое время оставалась «другой» территорией, противопоставленной «России» как к исходному пункту. В говорах это противопоставление сохранилось.

Таким образом, проведённый сравнительный анализ позволяет заключить, что лексические системы переселенческих говоров татар Бурятии и Западной Сибири развивались по сходной модели, характерной для островных говоров вторичного образования. В их основе лежат материнские говоры, которые в новых условиях в большей степени консервируют архаичные черты, вместе с тем наблюдается и развитие инноваций под влиянием иноязычного окружения. При этом в западносибирских говорах наблюдается дополнительный пласт взаимодействия с восточным диалектом татарского языка (языком сибирских татар). Лексема *rangɯ* в западном диалекте и её соответствие *ranga* в западносибирских говорах демонстрируют сохранение в переселенческих говорах элементов, восходящих к контактам с финно-угорскими языками в регионах ареала распространения материнских говоров.

2.4 Социолингвистические показатели

Сравнительный анализ социолингвистической ситуации в переселенческих говорах татар Западной Сибири и Бурятии выявляет принципиально различные модели языкового поведения и этнической идентификации. В Западной Сибири наблюдается процесс постепенного размывания субэтнических границ: носители говоров, осознавая свои

диалектные особенности, идентифицируют себя обобщённо как «татары», а местные языковые различия воспринимают не как преграду, а как положительные признаки «своего», «деревенского», противопоставленного литературной норме. В Бурятии, напротив, анклавное проживание и отсутствие контактов с сибирскими татарами способствовали сохранению субэтнического самосознания: информанты чётко определяют свою принадлежность к конкретным группам переселенцев («сергач мишэрларе», «казанскийлар»), а диалектные черты осознанно воспроизводятся ими как элементы семейной истории. Как отмечают исследователи, «существующая взаимосвязь между языком и этнической идентичностью неоднозначна» [Биткеева, 2016: 145], что особенно ярко проявляется в вариациях самонаименований среди татар-переселенцев ареала Сибири.

Ключевым фактором отличий в развитии говоров стала судьба татарского образования и роль ислама. В обоих регионах до середины XX века функционировали татарские школы, что сформировало активное двуязычие: говор в быту, литературный язык – в образовании и религии. Закрытие национальных школ в Западной Сибири при интенсивных контактах с русским окружением привело к возникновению проблем с владением литературной нормой. В Бурятии же утрата доступа к литературному стандарту при сохранении бытового общения на говоре законсервировала именно диалектные формы, которые стали восприниматься как единственный «родной язык». Религиозная практика в Западной Сибири, более институционализированная, поддерживала двуязычие, но не препятствовала утрате диалектных черт, тогда как в Бурятии домашние, закрытые формы ислама с использованием местного говора способствовали сохранению диалекта.

Также различия фиксируются в сфере межпоколенческой передачи языка. В Западной Сибири, несмотря на общее угасание языка, ещё сохраняются остаточные признаки естественной передачи: среднее поколение демонстрирует редуцированную, но живую речь, а у молодёжи старше 20 лет наблюдается пассивное понимание татарского языка. Это обусловлено не только внутрисемейной коммуникацией, но и наличием у переселенческих говоров Западной Сибири контактов с местными диалектами сибирских татар, в которых в различной степени продолжается функционирование родного языка среди молодёжи. Данное языковое окружение, даже будучи редуцированным, обеспечивает определённый уровень функциональности языка и поддерживает остаточные навыки понимания у подрастающего поколения. В Бурятии же картина иная: татарские переселенческие говоры полностью изолированы от какой-либо тюркоязычной среды. Даже в наиболее отдалённых татарских селениях, где старшее поколение сохранило архаичные черты материнского говора, цепочка

языковой передачи детям оказалась полностью разорвана. Дети и подростки либо совсем не понимают татарскую речь, либо, в лучшем случае, демонстрируют крайне фрагментарное пассивное владение, которое, в отличие от западносибирских случаев, не подкрепляется внешней языковой средой и не имеет перспектив поддержания. Таким образом, западносибирская модель демонстрирует путь интеграции и постепенной ассимиляции при сохранении отдельных очагов остаточной витальности (в том числе за счёт контактов с сибирско-татарскими говорами), тогда как бурятская модель, обеспечив высокую степень консервации архаичных черт у старшего поколения, привела к полной утрате языковой традиции молодёжью из-за отсутствия внешней языковой поддержки, что ставит под вопрос само существование этих говоров в будущем.

3 | Заключение

Проведённый сравнительный анализ татарских переселенческих говоров на территории Западной Сибири (Новосибирская, Томская, Кемеровская области) и Восточной Сибири (Республика Бурятия) позволяет с высокой степенью достоверности выделить две принципиально разные модели формирования и последующего развития вторичных говоров в условиях иноэтничного и иноязычного окружения. Выделенные нами западносибирская и бурятская модели – это не просто местные разновидности одного и того же процесса приспособления говоров переселенцев к новой среде. Это качественно разные пути развития языка, которые сложились под влиянием целого ряда причин: языковых особенностей, географического положения, состава населения и культурных условий.

Модель Западной Сибири реализовалась в условиях интенсивного и длительного контактирования двух типологически близких, но генетически различных тюркских языковых традиций – принесённой переселенцами из Поволжья и Приуралья и аборигенной сибирско-татарской, представленной томскими, барабинскими, тоболо-иртышскими татарами, а также калмаками (потомками телеутов). Определяющей характеристикой данной модели выступает формирование комбинированных диалектных систем, в которых исходные черты поволжских говоров (как среднего, так и западного диалектов) подверглись значительной трансформации под воздействием диалекта сибирских татар. Фонетические системы утратили последовательность в реализации таких диагностических признаков, как переход $j- > ʒ-$, делабиализация гласных, монофтонгизация. Возникла вариативность, свободное чередование поволжских и сибирских вариантов в пределах даже одного высказывания. С точки зрения социолингвистики, смешение идиомов привело к тому, что татары в Западной Сибири

перестали делить себя на «сибирских», «казанских» или других переселенцев. Сегодня они называют себя просто «татары». Западносибирская модель представляет собой пример длительного и плавного функционирования языка в условиях интенсивного междиалектного контакта. Несмотря на мощное влияние русского языка и давно начавшееся двуязычие, в ряде сельских районов сохраняется преемственность: элементы родной речи, пассивное владение и языковая память наблюдаются даже у молодого поколения. Это свидетельствует о трансформации языкового явления, при которой говор переходит в иные формы бытования, сохраняя связь с этническими корнями.

Модель Бурятии сформировалась совсем в других этнолингвистических условиях. Татарские переселенцы, живущие на территории Бурятии в окружении неродственных языков (бурятского и русского) при полном отсутствии контактов с каким-либо иным тюркским населением, оказались в ситуации классического языкового анклава (островного говора). Отсутствие родственного идиома, способного изменить переселенческие говоры, обозначило направление их развития не в сторону смешивания, а в сторону сохранения и архаизации. Фонетические системы бурятских говоров демонстрируют последовательную системную реализацию тех диалектных черт, которые в Западной Сибири сохранились лишь фрагментарно: переход *j* -> *ʒ*-, вплоть до аффрикатизации /*ʒʲ*-, делабиализация гласных заднего и переднего рядов, монофтонгизация, широкое распространение фонетических признаков западного диалекта (цоканье/чоканье, велярное произношение заднеязычных). Лексическая система, не испытывая давления со стороны родственного идиома, с одной стороны, законсервировала значительный пласт поволжских лексем (*күмәк* 'лепешки', *әрі* 'хлеб', *күрәк* 'подушка' и др.), с другой стороны, активно адаптировала русизмы, а также, хотя и в ограниченном количестве, включила отдельные заимствования из бурятского языка, например, слово *taraq* в татарских говорах Бурятии со значением 'напиток, похожий на айран'. Тарак – густой варенец, делаемый из сметаны и сливок; одно из любимых молочных кушаний сибирских народов. Ср. таратқы в балтасинском говоре «катык со свеклой» [Татар теленен зур..., 2009: 608].

Потомки переселенцев из разных регионов Поволжья сохраняют память о происхождении, осознают диалектные особенности как маркеры родовой идентичности и демонстрируют устойчивую положительную оценку «своего» говора. Бурятская модель демонстрирует уникальный для Сибири пример высокой степени консервации языка в условиях изоляции. Отсутствие смешения с родственными диалектами позволило говорам сохранить архаичные черты и субэтническую идентичность.

Важно отметить, что описанные модели не являются строгими и допускают исключения. В Западной Сибири встречаются отдельные говоры (например, в деревне Березовая речка (Кирек) Томской области), которые сохраняют яркие черты западного диалекта и напоминают бурятскую модель. В Бурятии тоже есть отдельные новшества, вызванные как внутренним развитием языка, так и внешними влияниями. Однако общая тенденция очевидна: наличие или отсутствие контактов с родственными татарскими говорами определяет путь развития переселенческих говоров.

Обе модели объединяет общая черта всех говоров позднего формирования (как и всех языков современной России, за исключением русского) – постепенное стирание диалектных особенностей под влиянием современных факторов: школьного образования на русском языке, СМИ, урбанизации и миграций, но скорость и механизмы этого процесса в двух регионах различаются. В Западной Сибири говоры активно взаимодействуют с сибирско-татарскими диалектами, что делает их более гибкими и способными к изменениям. Здесь формируется динамичная языковая среда, где говоры трансформируются, но продолжают выполнять коммуникативную функцию. В Бурятии, напротив, говоры развиваются в условиях изоляции. Отсутствие контактов с родственными диалектами помогает сохранять архаичные черты и поддерживать память о происхождении. Язык старшего поколения здесь сохранился наиболее полно, что создаёт основу для сбережения диалектного наследия. Таким образом, мы видим два разных пути развития языка в иноязычном окружении: западносибирский вариант – гибкая адаптация, бурятский – сохранение через изоляцию.

Для дальнейшего изучения этих говоров недостаточно только диалектологических описаний – нужен комплексный междисциплинарный подход. Перспективно использовать методы лингвистической географии для составления карт распространения диалектных явлений и границ между разными типами говоров. Важно также проводить социалингвистические исследования для оценки того, как разные поколения владеют языком и как относятся к нему. Необходимо записывать устные истории, чтобы понять не только языковые, но и жизненные обстоятельства формирования говоров: историю семей, пути переселения, особенности адаптации на новом месте, межэтнические контакты. Лишь комплексный подход позволит в полной мере постичь прошлое и настоящее татарских переселенческих говоров Сибири, каждый из которых – не просто совокупность диалектных черт, а живое свидетельство освоения сибирских земель татарским народом.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья (1989): в 2 т. / под ред. Н. Б. Бургановой, Л. Т. Махмутовой, Ф. С. Баязитовой, Д. Б. Рамазановой, З. Р. Садыковой, Т. Х. Хайрутдиновой. Казань: Татпрокаттехприбор. 240 с.
- Ахметьянов Р. Г. (2015) Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Казань: Мәгариф – Вақыт. Т. II. 567 с.
- Баранникова Л. И. (1975) Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. № 2. С. 22–31.
- Биткеева А. Н. (2016) Родной язык в контексте многонационального государства // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 9, № 5 (27). С. 146–162.
- История и культура татар Западной Сибири (2015) / отв. ред. Г. Ф. Габрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Артифакт. 728 с.
- Кондратьева В. В., Батуева И. Б. (2013) Численность и расселение татар на территории Бурятии // Вестник ЧГАКИ. № 3 (35). С. 194.
- Насипов И. С. (2009) Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. Казань. 236 с.
- Томилов Н. А. (1992) Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XIX – начале XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та. 270 с.
- Тумашева Д. Г. (1977) Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во КГУ. 294 с.
- Хисамов О. Р. (2025) Между присутствием и следом: тюркский компонент в географических названиях Бурятии // Милли-мәдәни мирасыбыз: Бурятия татарлары. Казан. Б. 288.
- Булатова М. Р. (2021) Томск татарларының тел үзенчәлекләре һәм рухи мәдәнияте // Милли-мәдәни мирасыбыз: Томск өлкәсе татарлары. Казан. Б. 225–293.
- Милли-мәдәни мирасыбыз: Новосибирск өлкәсе татарлары (2021). 2 нче басма. Казан. 572 б.
- Милли-мәдәни мирасыбыз: Омск өлкәсе татарлары (2021). 2 нче басма. Казан. 476 б.
- Милли-мәдәни мирасыбыз: Томск өлкәсе татарлары (2021). Казан. 448 б.
- Милли-мәдәни мирасыбыз: Төмән өлкәсе татарлары (2021). Казан. 540 б.
- Рамазанова Д. Б. (2001) Себер диалектларыннан материаллар. Казан: Фикер. 139 б.
- Татар лексикологиясе: өч томда (2016) / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ. Т. II. 392 б.
- Татар теленең зур диалектологик сүзлеге (2009) / төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр. 839 б.

REFERENCES

- Atlas tatarskikh narodnykh govorov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya* [Atlas of Tatar folk dialects of the Middle Volga Region and the Cis-Urals]. (1989). In 2 vols. Edited by N.B. Burganova, L.T. Makhmutova, F.S. Bayazitova, D.B. Ramazanova, Z.R. Sadykova and T.Kh. Khayrutdinova. Kazan: Tatprokattekhpribor. 240 p. (In Russian).
- Akhmet'yanov, R.G. (2015) *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tatar language]. In 2 vols. Kazan: Magarif – Vaqyt. Vol. II. 567 p. (In Russian).
- Barannikova, L.I. (1975) Govory territoriy pozdnego zaseleniya i problema ikh klassifikatsii [Dialects of territories of late settlement and the problem of their classification], *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues in Linguistics], no. 2, pp. 22–31. (In Russian).
- Bitkeeva, A.N. (2016) Rodnoy yazyk v kontekste mnogonatsional'nogo gosudarstva [Native language in the context of a multinational state], *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences], vol. 9, no. 5(27), pp. 146–162. (In Russian).

- Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri* [History and culture of the Tatars of Western Siberia]. (2015). Edited by G.F. Gabrakhmanova. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Artifact. 728 p. (In Russian).
- Kondrat'eva, V.V. and Batueva, I.B. (2013) Chislennost' i rasselenie tatar na territorii Buryatii [Number and settlement of Tatars in the territory of Buryatia], *Vestnik ChGAKI*, no. 3(35), p. 194. (In Russian).
- Nasipov, I.S. (2009) *Opyt sistematizatsii finno-ugorskikh zaimstvovaniy v tatarskom yazyke* [An attempt to systematize Finno-Ugric borrowings in the Tatar language]. Kazan. 236 p. (In Russian).
- Tomilov, N.A. (1992) *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XIX – nachale XX v.* [Ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk University Press. 270 p. (In Russian).
- Tumasheva, D.G. (1977) *Dialekty sibirskikh tatar. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Dialects of the Siberian Tatars. An attempt at a comparative study]. Kazan: Kazan State University Press. 294 p. (In Russian).
- Khisamov, O.R. (2025) Mezhdru prisutstviem i sledom: tyurkskiy komponent v geograficheskikh nazvaniyakh Buryatii [Between presence and trace: the Turkic component in the geographical names of Buryatia]. In: *Milli-mädäni mirasybyz: Buryatiya tatarlary* [Our national and cultural heritage: Tatars of Buryatia]. Kazan, p. 288. (In Russian).
- Bulatova, M.R. (2021) Tomsk tatarlarynyñ tel üzenchälekläre häm rukhi mädäniyate [Language features and spiritual culture of the Tatars of Tomsk]. In: *Milli-mädäni mirasybyz: Tomsk ölkäse tatarlary* [Our national and cultural heritage: Tatars of Tomsk Region]. Kazan, pp. 225–293. (In Tatar).
- Milli-mädäni mirasybyz: Novosibirsk ölkäse tatarlary* [Our national and cultural heritage: Tatars of Novosibirsk Region]. (2021). 2nd ed. Kazan. 572 p. (In Tatar).
- Milli-mädäni mirasybyz: Omsk ölkäse tatarlary* [Our national and cultural heritage: Tatars of Omsk Region]. (2021). 2nd ed. Kazan. 476 p. (In Tatar).
- Milli-mädäni mirasybyz: Tomsk ölkäse tatarlary* [Our national and cultural heritage: Tatars of Tomsk Region]. (2021). Kazan. 448 p. (In Tatar).
- Milli-mädäni mirasybyz: Tömänn ölkäse tatarlary* [Our national and cultural heritage: Tatars of Tyumen Region]. (2021). Kazan. 540 p. (In Tatar).
- Ramazanov, D.B. (2001) *Seber dialektlarynnan materiallar* [Materials from Siberian dialects]. Kazan: Fiker. 139 p. (In Tatar).
- Tatar leksikologiyase: öch tomda* [Tatar lexicology: in three volumes]. (2016). Project supervisor M.Z. Zäkiev; edited by G.R. Galiullina. Kazan: TƏhSI. Vol. II. 392 p. (In Tatar).
- Tatar teleneñ zur dialektologik süzlege* [Comprehensive dialectological dictionary of the Tatar language]. (2009). Compiled by F.S. Bayazitova, D.B. Ramazanov, Z.R. Sadyykova and T.Kh. Khäyretdinova. Kazan: Tatar Book Publishing House. 839 p. (In Tatar).

Алина Я. Хусаинова

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420111 Российская Федерация,
г. Казань, ул. К. Маркса, д. 12.

Эл. адрес: husainova_alina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6241-4848>

Alina Ya. Khusainova

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the Department of Areal Linguistics,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
12 K. Marx Street,
Kazan 420111,
Russian Federation.

Email address: husainova_alina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6241-4848>

Для цитирования: *Хусаинова А.Я.* Формирование татарских переселенческих говоров Сибири: социолингвистический аспект // Социолингвистика. 2026. № 2. С.219–238. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-11

For citation: *Khusainova A.Y.* Formation of Tatar migrant dialects of Siberia: sociolinguistic aspect // Sociolinguistika. 2026. No. 2. Pp. 219–238. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-11

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 12.11.2025;
approved after reviewing 27.07.2026;
accepted for publication 30.08.2026.